

Книжное обозрение
Book Reviews

DOI: 10.31857/S020596060021642-8

**ФУЛЛЕР С. КУН ПРОТИВ ПОППЕРА: БОРЬБА ЗА ДУШУ НАУКИ.
М.: КАНОН-ПЛЮС, 2020. 272 с. (БИБЛИОТЕКА АНАЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ) ISBN 978-5-88373-640-6**

ЖЕЛТОВА Елена Леонидовна – *Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14,
E-mail: eleberle@gmail.com*

В год столетия со дня рождения Томаса Сэмюэля Куна (1922–1996), одного из самых влиятельных философов науки XX в., мы представляем вниманию читателей критический обзор известной книги американского социолога и философа науки Стива Уильяма Фуллера¹, изданной

¹ Имя Фуллера, основателя междисциплинарной исследовательской программы по социальной эпистемологии, автора 21 монографии, 65 глав книг, 155 научных статей, хорошо известно российским историкам и философам науки. Фуллер активно поддерживает исследование в области эпистемологии научного знания в России: является членом редколлегии журнала «Эпистемология и философия науки», участвует в работе Российского общества историков и философов науки, выступает с лекциями в ведущих гуманитарных вузах России. Читатели имели возможность познакомиться со взглядами ученого в 2011 г., когда он дал специальное интервью журналу «Вопросы истории естествознания и техники» (см.: «Современная наука вплотную подошла к тому, чтобы показать, насколько мы схожи с Богом» (интервью Е. Л. Желтовой с С. Фуллером) // ВИЕТ. 2011. № 3. С. 152–159.

на более чем двадцати языках и остающейся среди 10 наиболее цитируемых академических монографий последних лет². Ее перевод на русский язык, выполненный заведующим кафедрой гносеологии и истории философии Новосибирского государственного университета Виталием Валентиновичем Целищевым, вышел в 2020 г. в издательстве «КАНОН + РООИ “Реабилитация”», специализирующемся на издании научной литературы по гуманитарным наукам.

Поводом для написания книги послужили дебаты Куна и Поппера, произошедшие во время Международного colloquium по философии науки в июле 1965 г., где на одной из секций Кун делал доклад, а Поппер председательствовал. Тогда Имре Лакатос, организатор секции, расставил Куна и Поппера по разным

² Fuller, S. Kuhn vs. Popper: The Struggle for the Soul of Science. New York: Columbia University Press, 2004.

полюсам социально-политического ландшафта эпистемологии науки: Кун был назван авторитаристом, Поппер — либертарианцем. Замысел Лакатоса состоял в том, чтобы выстроить подходы к исследованию природы науки и ее истории, промежуточные между этими крайними позициями.

В первой главе Фуллер вводит читателя в курс обстоятельств, приведших к тому, что в течение пяти лет после коллоквиума 1965 г. Кун в глазах философского сообщества убедительно превзошел своего оппонента, и предъявляет главную интригу книги, — он намерен пересмотреть утвердившиеся представления о превосходстве куновской модели развития науки над взглядами Поппера и продемонстрировать, что победа Куна над Поппером не пошла на пользу современной науке.

Итак, Фуллер отталкивается от дебатов 1965 г., которые по причине нежелания обоих философов вступать в полемику шли без воодушевления и не оправдали ожиданий организаторов. Фуллер называет эти дебаты *non-event* и указывает на то, что его интересуют два вопроса: почему дискуссия столь разных по своим взглядам теоретиков науки вообще была затеяна и особенно каким образом эта дискуссия «ухитрились» (*managed*) оставаться важным событием в истории философии науки на протяжении многих лет. Интерес к этим темам вытекает из присущего Фуллеру социально-эпистемологического подхода — он стремился осмысливать вопросы эпистемологии на основании конкретных исторических и социальных исследований.

Напомним, что к началу коллоквиума 1965 г. Кун уже произвел

радикальный разрыв с некоторыми ключевыми доктринами позитивистского взгляда на развитие науки, прежде всего с кумулятивной моделью. Его знаменитая книга «Структура научных революций», где демонстрируется, что наука переживает периоды стабильного роста, прерываемые революционными ревизионистскими, в куновской терминологии парадигмальными, сдвигами, была издана в 1962 г.³

Поппер, который удачно назвал свои философские взгляды критическим рационализмом, утверждал, что суть науки заключается в поиске способов фальсификации принятых точек зрения и что только те предположения, которые можно опровергнуть, являются подлинно научными. Эпистемологический трактат Поппера «Логика научного открытия», впервые изданный на немецком языке в 1934 г., был переведен на английский язык в 1959 г.

Вслед за Лакатосом Фуллер причисляет Куна к авторитаристам, а Поппера к либертарианцам. В предисловии к русскому изданию он дает разъяснение: «В то время как Поппер в основном рассматривал научную позицию и либерализм как альтернативные выражения “открытого общества”, Кун прослеживал эпистемологическую силу науки до ее авторитарной, если не тоталитарной структуры, которая привержена стратегии исследования, пока

³ Впервые на русский язык «Структура научных революций» была переведена в 1975 г. под общей редакцией директора ИИЕТ АН СССР С. Р. Микулинского и научного сотрудника Л. А. Марковой. См.: Кун. Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

она не потерпит неудачу на своих собственных условиях»⁴.

Такая маркировка взглядов Куна и Поппера важна для социально-эпистемологического подхода Фуллера, и он сожалеет, что обозначенное различие в стилях мышления философов не принималось во внимание в последовавших после 1965 г. исследованиях. Далее автор книги переходит к рассмотрению взглядов своих влиятельных героев.

Фуллер не сторонник теоретических выкладок Куна. Это хорошо известно: его критический взгляд на философию науки Куна, прежде всего на «Структуру научных революций», был представлен в объемной монографии «Томас Кун: философская история нашего времени»⁵, в которой около 1000 сносок с примечаниями. В представляемой книге он фактически резюмирует свою критику Куна, что определяет насыщенный и свободный от сносок жанр повествования.

Фуллер начинает с емкого обозрения содержания «Структуры научных революций», указывает на конкретный (принадлежащий исключительно истории теоретической физики) материал книги, а далее с блистательной эрудицией философа-интеллектуала осуждает тенденцию последователей Куна возвести идею парадигмы и революционного парадигмального сдвига в статус универсальной характеристики развития не только естественно-научных, но и социальных наук.

⁴ Фуллер С. Кун против Поппера: борьба за душу науки. М.: Канон-Плюс, 2020. С. 5-6.

⁵ Fuller, S. Thomas Kuhn: A Philosophical History of Our Times. Chicago: The University of Chicago Press, 2000.

Фуллер напоминает, что Кун «никогда не говорил о какой-либо науке, которая бы вершилась после 1920 года», аргументируя это тем, «что революция есть последнее прибежище в науке». Он указывает на то, что чуть ли не во всех исследованиях, наследовавших Куну, отсутствие регулярной процедуры обсуждения фундаментальных изменений в научном направлении оправдывается куновской моделью.

Всегда ли это так — остается вопросом, но ракурс Фуллера, несомненно, обостряет оптику историка науки, фокусирует внимание исследователя на возможной подмене необоснованного отсутствия открытой полемической практики куновской моделью парадигмальной закрытости «нормальной» науки.

Собственная позиция Фуллера ближе к позиции Поппера: попперовский взгляд для него воплощает идею демократической науки, описывает общество, открытое научным дискуссиям. Фуллер разбирает философскую позицию Поппера, основываясь на его фундаментальном 600-страничном труде «Открытое общество и его враги», он обращает внимание на то, что попперовская философия науки в преддверии дискуссии 1965 г. была воспринята научным сообществом лишь по переводу «Логики научного открытия» и незаслуженно получила оценку устаревшей. Он ведет к тому, что науке нужны формы управления и критика, организованные по демократическому принципу, и что философия науки Поппера такому принципу соответствует.

Что касается Куна, то в книге сказано, но содержательно показаны многообразные социальные факторы,

приведшее к тому, что американское сообщество исследователей науки заметило «Структуру научных революций» малоизвестного и малоуспешного тогда автора. Акцент делается на особой роли в карьере Куна и успехе «Структуры...» американского химика Дж. Б. Конанта, президента Гарвардского университета (1933–1953), а затем второго по рангу человека в разработке научной политики США. Взаимодействию этих двух ученых автор уделяет значительное внимание и в заключительной 17-й главе книги.

Знакомство читателя с интереснейшим материалом, освещающим социально-политический ландшафт, окружавший работу Куна, несомненно расширяет панораму видения истории научной деятельности влиятельного философа науки XX столетия. Но все же напомним, что Кун никогда не был сторонником политизации науки и отдавал дань Конанту исключительно как историку науки. В предисловии ко второму изданию «Структуры научных революций» он писал: «Именно Джеймс Б. Конант, в то время президент Гарвардского университета, впервые познакомил меня с историей науки и, таким образом, положил начало преобразованию в моей концепции природы развития науки. С тех пор как начался этот процесс, он был щедр своими идеями, критикой и временем — включая время, необходимое для чтения и предложения важных изменений в черновике моей рукописи»⁶.

Далее Фуллер выводит противостояние Куна и Поппера на простор

философских, социально-политических, морально-этических, институциональных и даже латентных религиозных аспектов развития современной науки. Для историков науки наибольший интерес представляют главы 7–9, о которых скажем подробнее.

В главе 7 «Почему ученые не уважают философов» автор обращает внимание на проявившуюся с начала XVII в. закономерность: те ученые, которые добивались успеха в философии науки, оказывались в самой науке среди лузеров, и наоборот, великие ученые (Фуллер приводит имена Галилея, Ньютона, Максвелла, Эйнштейна) были достаточно посредственными философами науки. Автор останавливается подробнее на взаимоотношениях философов науки и ученых в XX в. Интерес представляет конспективно представленная история о том, почему логические позитивисты так и не смогли осуществить свой замысел объединить науку (прежде всего отдельные направления физики), почему их призыв обратиться к объединяющим науку основаниям не был воспринят даже осознававшими необходимость дисциплинарного объединения биологами, которые в итоге последовали за биологом и основателем синтетической теории эволюции Феодосием Добржанским, доказывавшим, что биология способна достичь внутридисциплинарного единства, не подчиняясь физике или какой-либо другой науке.

В заключении главы выделяется череда событий, которая соопустовала назначению Конанта президентом Гарвардского университета, что, согласно Фуллеру, сыграло

⁶ *Kuhn, T. The Structure of Scientific Revolutions. Second Edition. Chicago: The University of Chicago Press, 1970. P. XI.*

решающую роль в успехе философских идей Куна.

В главе 8 «Так почему же философы науки стоят за науку?» автор утверждает, что Кун был главной фигурой, осуществившей радикальный переход в целеполагании философии науки. Если Поппер защищал идеальную концепцию науки, подвергающую сомнению многие действия ученых, то Кун не имел в виду никаких других целей науки кроме тех, которые удовлетворяют ограничениям, заложенным в господствующей научной парадигме, и не подвергает сомнению траекторию движения науки, пока та не перейдет из «нормальной» фазы в фазу критической саморевизии. Фуллер обращает внимание на то, что две мировые войны оказали травматическое действие на идеалы творцов философии науки, но сказались на взглядах Куна (для которого историк науки, по Фуллеру, пребывает на сцене истории лишь в качестве зрителя, а не участника) и его последователей более радикально, чем на позиции попперианцев. Подробнее об этом речь идет в главе 9.

Главное стремление Фуллера, объединяющее разнообразные сюжеты книги, состоит в том, чтобы, обозревая широкий спектр социальных и культурных явлений, предъявить новые повороты в осмыслении истории философии науки, подтверждающие то, что куновская модель развития науки консервативна и не способна защитить науку от угрожающих подорвать ее развитие внешних влияний — социального, политического, военного и экономического. Вердикт Фуллера состоит в том, что, хотя Кун выиграл дебаты с Поппером и получил всеобщее признание, именно

точка зрения Поппера, а не Куна, сохраняет потенциал для освобождения науки от ее нынешней роли служительницы правящих элит и бизнеса.

Ревизионистская интерпретация философии науки Куна, демонстрируемая Фуллером, может вызвать критику, основывающуюся на том факте, что Кун никогда не выступал против открытого обсуждения учеными разных точек зрения. Он лишь указал на парадигмальные разрывы, возникающие в ходе развития науки, разрывы столь существенные, что ученые, стоящие по разные стороны парадигмального сдвига, оказываются неспособны понимать друг друга. Каким образом ученым, исповедующим разные парадигмы, находить общий язык друг с другом — остается одной из труднейших проблем науки.

Но при этом рассмотренные Фуллером социокультурные сюжеты о том, как были восприняты и адаптированы социумом идеи Куна, не теряют своей значимости и представляют большой интерес.

В заключение скажем несколько слов о качестве русского перевода.

Стиль, в котором написана книга Фуллера, — высокоинтеллектуальный, образный и емкий, он подчинен главному замыслу книги — вбросить на полемическую сцену сообщества историков и философов науки новые повороты в интерпретации известных фактов. Именно поэтому книга свободна от сносок и в конце снабжена словарем, разъясняющим значение основных используемых автором понятий и терминов.

Очевидно, что переводить такой текст непросто. К сожалению, некоторые блистательные фуллеровские

метафоры переданы в русском переводе неудовлетворительно. Например, в оригинале у Фуллера Поппер «*hovered in the periphery of the Vienna Circle*», где слово «*hovered*» прекрасно передает неоднозначность и напряженность взаимодействия Поппера с Венским кружком, членом которого он никогда не был, хотя и был дружен с некоторыми его участниками. В русском переводе мы читаем что Поппер «отирался на периферии

Венского кружка». Такой перевод вульгаризирует и искажает смысл фуллеровского текста. В переводе встречается немало небрежностей, а иной раз смысл извращается. В связи со сказанным мы рекомендуем читателям обращаться прежде всего к оригинальным изданиям книги. Но тем не менее общее представление о круге затронутых в книге вопросов можно составить и по русскому переводу.